

Форель Огюст

**Гипнотизм и лечение
внушением**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
О-36

О-36 **Огюст Ф.**
Гипнотизм и лечение внушением / Форель Огюст – М.: Книга по Требованию,
2022. – 248 с.

ISBN 978-5-521-28556-3

ISBN 978-5-521-28556-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Подъ раздраженіемъ *Семонъ* разумѣтъ такое «энергетическое» воздѣйствіе на организмъ, подъ вліяніемъ котораго въ раздражительномъ веществѣ его вызываются ряды сложныхъ измѣненій. Измѣненное такимъ образомъ состояніе организма (которое длится такъ же долго, какъ и раздраженіе) онъ обозначаетъ, какъ «состояніе раздраженія». Передъ воздѣйствіемъ раздраженія организмъ находится (въ противоположеніи къ раздраженію) въ состояніи первичной, а послѣ воздѣйствія—въ состояніи вторичной индифферентности.

Если-же, по прекращеніи раздраженія, раздражительное вещество живого организма, находящееся въ состояніи вторичной индифферентности, оказывается надолго измѣненнымъ, то *Семонъ* говоритъ объ энграфическомъ воздѣйствіи. Самое измѣненіе онъ называетъ энграммомъ, а сумму унаслѣдованныхъ и индивидуально приобретенныхъ энграммовъ какого-либо живого существа—его мнемюю. Подъ экфоріей онъ разумѣтъ воспроизведеніе всего, синхронического съ тогдашнимъ комплексомъ раздраженій, состоянія раздраженія организма путемъ воздѣйствія лишь части или ослабленнаго въ цѣломъ раздраженія. Этотъ терминъ примѣняется имъ для обозначенія психологически (интроспективно) извѣстныхъ явленій ассоціаціи и воспоминанія, равно какъ физиологическихъ автоматизмовъ, онтогеніи и филогеніи. Энграммы такимъ образомъ экфорируются. При каждомъ такомъ явленіи все мнемическое раздраженіе (комплексъ энграммовъ) приходитъ въ созвучіе съ синхроническимъ состояніемъ раздраженія, которое вызывается новымъ раздраженіемъ; это созвучіе *Семонъ* называетъ гомофоніей. Въ случаѣ несовпаденія между дѣйствіемъ новаго раздраженія и мнемическимъ раздраженіемъ дѣятельность вниманія, онтогенетически регенерація и филогенетически приспособленіе, стремятся интроспективно возстановить гомофонию.

И вотъ съ помощью убѣдительныхъ фактовъ *Семонъ* доказываетъ, что дѣйствіе раздраженія относительно локализовано лишь въ районѣ его вступленія (первичный собственный районъ), но что затѣмъ оно распространяется лучеобразно и на весь организмъ (не только на нервную систему, ибо оно дѣйствуетъ, напримѣръ, и у растений). Такимъ путемъ энграфія, даже и колоссально ослабленная, и въ особенности нервная, можетъ въ концѣ концовъ поражать и зародышечныя клетки. *Семонъ*, далѣе, показываетъ, какъ и очень слабое энграфическое дѣйствіе послѣ безчисленныхъ повтореній (филогенетически послѣ длиннаго ряда поколѣній) становится способнымъ достигать экфоріи. Такимъ образомъ мнемическій принципъ вполнѣ выясняетъ возможность чрезвычайно медленной

наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ свойствъ послѣ безчисленныхъ повтореній, и притомъ безъ умаленія фактовъ, отмѣченныхъ Вейсманомъ. Ибо скрещенія и естественный отборъ, разумѣется, дѣйствуютъ несравненно быстрее и интенсивнѣе, чѣмъ индивидуально унаслѣдованныя множественныя энграммы. Последними такимъ образомъ объясняются и мутаціи *де Фриза*.

Много свѣту вносятъ въ морфологію, біологію и психологію единообразное примѣненіе Семонъ этихъ опредѣленій; грандіозны перспективы, которыя отсюда возникаютъ. Съ помощью воздѣйствія вѣшняго міра работаетъ мнѣма, сохраняя и комбинируя чрезъ посредство энграммъ, тогда какъ естественный отборъ устраняетъ все плохо приспособленное. Настоящій строительный матеріалъ организмовъ поставляется такимъ образомъ раздраженіями вѣшняго міра.

Подъ понятіемъ мнѣмы Семонъ, какъ видимъ, разумѣетъ память, и притомъ не только, какъ явленіе чистой психологіи, т. е. не только въ интроспективномъ смыслѣ, но, какъ общій законъ органической жизни, находящій, какъ особый интроспективный случай, свое особое, весьма важное выраженіе. Поэтому психологическіе термины: «память», «памятный образъ», «ассоціація» и т. д. нашъ авторъ и замѣнилъ другими болѣе общими обозначеніями: «мнѣма», «энграммъ», «экфорія» и т. д. Наша психологическая интроспекція, какъ это надлежитъ отмѣтить, имѣетъ постоянную тенденцію путемъ повторенія и привыканія образовывать высшіе синтезы, причемъ нѣзъ группъ или сочетаній прежнихъ интроспективныхъ единицъ дѣлаются позднѣйшія суммарныя или синтетическія единицы. Таково усвоеніе деталей формы буквъ при чтеніи по складамъ, тогда какъ позднѣе при бѣгломъ чтеніи мы пробѣгаемъ мимо этихъ деталей; таково постепенное образованіе абстракцій изъ отдѣльныхъ чувственныхъ образовъ (понятіе собаки изъ образовъ многихъ отдѣльныхъ собакъ и т. д.) и т. д. Детали, однако, не исчезли изъ мозга: при синтетическомъ мышленіи онѣ остаются лишь въ области нижняго, а не верхняго сознанія; но концентраціей вниманія онѣ тотчасъ-же, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, вновь становятся сознаваемыми (такъ, детали формы буквъ при чтеніи).

Легко установить, что максимумъ нашей психической дѣятельности, вниманіе, каждую минуту перескакиваетъ отъ одного воспріятія или одной мысли къ другой. Различныя объекты вниманія, какъ бы зрительныя или слуховыя образы, волевые импульсы, чувства или абстрактныя идеи возникаютъ—это вѣдъ сомнѣнія—въ различныхъ участкахъ мозга или комплексахъ нейроновъ. Вниманіе можно

такимъ образомъ уподобить функціональной, блуждающей въ мозгу *pacula lutea*, блуждающему максимуму интенсивнѣйшей дѣятельности нейрокима. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что и другія психическія явленія, находящіяся внѣ сферы вниманія, также сознаются нами, хотя и слабѣе. Наконецъ, «психикой», т. е. содержаніемъ сознанія, считается, какъ извѣстно, и все, нѣкогда сознававшееся нами, хотя уже болѣе или менѣе забытое. Съ теоретической точки зрѣнія это, на первый взглядъ, представляется вполне понятнымъ. На самомъ-же дѣлѣ имѣется безчисленное множество явленій, которыя, едва воспринимаемыя, только на мгновеніе вспыхиваютъ въ нашемъ сознаніи съ тѣмъ, чтобы затѣмъ совершенно исчезнуть изъ него. Здѣсь, а не въ ярко и повторно сознаваемыхъ «психомахъ» — да простится намъ этотъ терминъ, которыми мы, краткости ради, запросто обозначаемъ всякую психическую единицу — должно искать переходъ отъ сознательнаго къ видимо безсознательному. Но и здѣсь слабость сознанія — только кажущаяся: въ содержаніи сильно отклоненнаго вниманія внутренній рефлексъ тѣхъ явленій даетъ лишь слабый отзвукъ. Но это отнюдь еще не доказываетъ того, что подобныя полусознаваемые явленія и сами по себѣ такъ слабо сознаются нами. Достаточно вспыхнувшей искры вниманія, чтобы впослѣдствіи сдѣлать ихъ вполне ясно сознаваемыми. Лишь вслѣдствіе отклоненія вниманія ослабляется все больше ихъ связь съ цѣпью максимумовъ дѣятельнаго состоянія, обычно представляющихъ собою воспоминаемое содержаніе нашего верхняго сознанія. Но чѣмъ слабѣе подобныя полусознаваемые явленія связаны съ послѣднимъ, тѣмъ труднѣе ихъ потомъ чрезъ посредство памяти заново ассоціировать съ главной цѣпью. Такъ обстоитъ дѣло со всѣми снами, всѣми побочными обстоятельствами нашей жизни, всѣми автоматическими привычками, всѣми инстинктами. Но разъ между отчетливо сознаваемымъ и «безсознательнымъ» имѣется полоса полубезсознательной мозговой жизни, которая лишь вслѣдствіе отклоненія нашей обычной цѣпи воспоминаній такъ слабо совнается нами, то, несомнѣнно, еще одинъ шагъ впередъ долженъ будетъ совершенно разорвать и эту слабую связь, а мы все таки не вправѣ будемъ считать безсознательной такую, въ туманѣ отъ верхняго сознанія ускользающую, дѣятельность мозга. Такія, т. е. такъ назыв. безсознательныя мозговыя явленія мы, краткости и простоты ради, относимъ къ области «нижняго сознанія».

Если это предположеніе вѣрно — а за это говорятъ всѣ факты — то фیزیологамъ и занимающимся сравнительной психологіей не для чего далѣе интересоваться сознаніемъ. Само по

себѣ оно вовсе не существуетъ, а проявляется лишь благодаря дѣятельности мозга, внутреннимъ рефлексомъ которой является. Исчезаетъ эта дѣятельность, оно исчезаетъ вмѣстѣ съ нею ¹⁾; сложна она—оно также сложно; проста она—оно также просто; диссоциирована она—оно также диссоциировано. Сознаніе—лишь абстрактное понятіе, отъ котораго съ отпаденіемъ «сознательной» дѣятельности мозга отпадаетъ всякая сущность. Слѣдовательно, всякая проявляющаяся въ зеркалѣ сознанія мозговая дѣятельность представляется я въ видѣ суммарныхъ синтезовъ, которые все болѣе усложняются по мѣрѣ усвоенія, путемъ привычки и упражненія, высшихъ представленій и абстракцій, такъ что детали, ранѣе создававшіяся, впоследствии переходятъ въ область нижняго сознанія, и цѣлое представляется психической единицей.

Психологія такимъ образомъ не можетъ удовольствоваться изученіемъ явленій нашего верхняго сознанія лишь путемъ интроспекціи, ибо тогда она была бы невозможна. Каждый имѣлъ-бы тогда только психологію своего субъективизма, по примѣру древнихъ схоластиковъ-спиритуалистовъ, и долженъ былъ бы подвергнуть даже сомнѣнію существованіе внѣшняго міра и другихъ сочеловѣковъ. Аналогично, естественно-научная индукція, сравненіе опытовъ, нашихъ пяти чувствъ доказываютъ, однако, существованіе внѣшняго міра, другихъ сочеловѣковъ и ихъ психологій, а также и существованіе сравнительной психологій, психологій животныхъ. Наконецъ, такая субъективная психологія, взятая независимо отъ нашей мозговой дѣятельности, есть нѣчто непонятное, полное противорѣчій и прежде всего, повидимому, противорѣчащее закону сохраненія энергій.

Изъ всѣхъ этихъ довольно простыхъ соображеній вытекаетъ далѣе, что психологія, игнорирующая дѣятельность мозга, — бессмыслица. Содержаніе нашего верхняго сознанія постоянно опредѣляется и обуславливается дѣятельностью мозга, свойственной степенямъ нижняго сознанія ²⁾. Безъ этой дѣятельности оно вовсе не можетъ быть понято. Съ другой стороны, значеніе и смыслъ

¹⁾ Не существуетъ бездѣятельнаго, безсодержательнаго сознанія. Тогда остается лишь одно абстрактное понятіе, т. е. чистое ничто.

²⁾ Въ своемъ романѣ: „La femme de 30 ans (éd. Calman Levy p. 127) *Бальзакъ* пишетъ: „Il existe des pensées aux quelles nous obéissons sans les connaître: elles sont en nous à notre insu. Quoique cette réflexion puisse paraître plus paradoxale que vraie, chaque personne de bonne foi en trouvera mille preuves dans sa vie“. — *Бальзакъ* былъ хорошій психологъ. Онъ оцѣнилъ уже значеніе впечатлѣній, находящихся внѣ сознанія.

сложной организаціи нашего мозга во всей полнотѣ уясняются намъ лишь тогда, когда мы рассматриваемъ ее во внутреннемъ освѣщеніи нашего сознанія и подобныя наблюденія обогащаемъ сравнительными наблюденіями надъ содержаніемъ сознанія у другихъ людей, наблюденіями, которыя, благодаря обмѣннымъ знакамъ мысленія, звуковой и письменной рѣчи, могутъ производиться нами съ помощью весьма детальныя аналогій. Душу такимъ образомъ должно изучать одновременно и извнутри и извнѣ. Въ насъ самихъ первое, правда, можетъ быть осуществлено лишь съ помощью аналогій, но этимъ единственнымъ средствомъ, которымъ мы располагаемъ, мы должны пользоваться.

Талейранъ, однако, сказалъ, что языкъ данъ человѣку не для обнаруженія, но для сокрытія мыслей. Кромѣ того различныя люди, даже и вполне добросовѣстные, приписываютъ, какъ извѣстно, однимъ и тѣмъ-же словамъ весьма различное значеніе. Ученый, художникъ, крестьянинъ, женщина, дитя, дикій цейлонскій ведда толкуютъ одни и тѣ-же слова того-же языка совершенно различно. Но и одинъ и тотъ-же субъектъ толкуетъ ихъ различно, смотря по своему настроенію и по ихъ связи. Изъ этого вытекаетъ, что психологу и особенно психіатру—я говорю здѣсь въ качествѣ такового—мимика, взгляды и поступки человѣка зачастую лучше раскрываютъ внутренній міръ его, чѣмъ то, что онъ говоритъ. Поэтому также и жесты и дѣйствія животныхъ представляютъ для насъ «языкъ», психологической цѣнностью котораго отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Далѣе, анатомія, физиологія и патологія мозга, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, неопровержимо доказали намъ, что наши душевныя особенности находятся въ зависимости отъ качества, количества и цѣлости живого мозга, съ которымъ онѣ составляютъ нѣчто единое. Какъ не существуетъ живого мозга безъ души, такъ не существуетъ и души безъ мозга, и каждому нормальному или патологическому измѣненію душевной дѣятельности соотвѣтствуетъ нормальное или патологическое измѣненіе дѣятельности нейрокимовъ мозга, т. е. нервныхъ элементовъ. Все, что мы воспринимаемъ интроспективно въ своемъ сознаніи, есть, слѣдовательно, дѣятельность мозга.

Такимъ образомъ въ основаніе вопроса объ отношеніи чистой психологіи (интроспекціи) къ физиологіи мозга (изученіе дѣятельности мозга извнѣ) мы полагаемъ теорію идентичности,—по крайній мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ противорѣчить фактамъ. Терминомъ «идентичность или психо-физиологическій монизмъ» мы выражаемъ, слѣдовательно, то, что всякое психологическое явленіе образуетъ съ лежащею въ основѣ его молекулярною или нейроки-

мощью дѣятельностью мозговой коры одну и ту-же реальную вещь, которая разсматривается только съ двухъ сторонъ. Дуалистично только явленіе, вещь-же, наоборотъ,—монистична. Еслибъ дѣло обстояло иначе, то присоединеніе къ элементу соматическому или церебральному элемента чисто психическаго могло-бы дать плюсь энергіи, что противорѣчило-бы закону сохраненія силъ. Нарушеніе этого закона, однако, нигдѣ еще не было доказано и стало-бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ опытомъ науки. Въ явленіяхъ нашей интроспективной мозговой жизни, какъ они ни чудесны, не сокрыто ничего такого, что противорѣчило-бы естественнымъ законамъ и побуждало бы прибѣгнуть къ какой-то мистической, сверхъ-естественной «душѣ».

Исходя изъ этихъ соображеній, я говорю о монистическомъ тождествѣ, а не о психо-физиологическомъ параллелизмѣ. Вещь не можетъ быть параллельна самой себѣ. Правда, психологи новѣйшей школы разумѣютъ подъ этимъ лишь предположительный параллелизмъ явленій, оставляя вопросъ о монизмѣ или дуализмѣ непредрѣшеннымъ. Но такъ какъ многіе центральные нервныя процессы находятся внѣ сферы и физиологическаго и психологическаго наблюденія, то явленія, доступныя обоимъ методамъ изслѣдованія, отнюдь не параллельны, но весьма неодинаково отдѣлены другъ отъ друга промежуточными процессами. Параллелизмъ такимъ образомъ только—теоретическое предположеніе. А разъ дуалистическая гипотеза, съ точки зрѣнія научной критики, оказывается несостоятельной, то въ основу всѣхъ разсужденій вполне дозвоительно положить гипотезу идентичности.

Ясно, вѣдь, до очевидности, что одно и то-же явленіе въ нервной системѣ животнаго, скажемъ моей, будучи наблюдаемо мною самимъ, но сначала съ помощью внѣшнихъ физиологическихъ методовъ, и затѣмъ отражаясь само собою въ моемъ сознаніи, должно мнѣ представляться въ совершенно другомъ видѣ, и напрасный былъ-бы трудъ,—физиологическій феноменъ превращать въ психическій и наоборотъ. Психическій феноменъ не можетъ быть превращаемъ въ другой, хотя-бы даже въ отношеніи воплощаемой обоими реальности, какъ напр. звуковое, зрительное и осязательное ощущеніе, которое одно и тоже-же колебаніе вызываетъ въ трехъ соответствующихъ органахъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе мы путемъ индукціи вправѣ заключить, что это—одна и та-же реальность, одно и то-же колебаніе, олицетворяющееся въ трехъ качественно столь различныхъ видахъ, иначе говоря, вызывающее у насъ три различныя, непереводимыя другъ въ друга психическія впечатлѣнія. Послѣднія возникаютъ въ различныхъ частяхъ мозга и, какъ таковыя, реально отличаются одно отъ другого.

О психо-физиологической идентичности мы говоримъ лишь съ одной стороны въ отношеніи корковыхъ нейрокимовъ, непосредственно обуславливающихъ извѣстныя явленія сознанія, и съ другой—въ отношеніи самихъ этихъ явленій сознанія.

Въ дѣйствительности, предполагаемая дуалистическая душа можетъ быть или съ энергіей или безъ таковой. Если ее предположить лишенной энергіи, т. е. независимой отъ закона силъ, то тогда мы вступимъ въ область чудесъ, въ которой можно по усмотрѣнію нарушать и устранять естественные законы. Если-жъ ее предположить содержащей энергію, то это будетъ только игра словъ, ибо душа, подчиняющаяся закону энергіи, есть лишь часть мозговой дѣятельности, произвольно вырванная изъ связи съ цѣлымъ,—часть, которой «психическій характеръ» присвоивается лишь для того, чтобы тотчасъ же снова отнять его отъ нея. Энергія можетъ подвергаться только качественнымъ, а не количественнымъ превращеніямъ. Предполагаемая дуалистическая душа такимъ образомъ, если бы она подчинялась закону силъ, должна была-бы перейти цѣликомъ въ другую форму энергіи. Но тогда она не была-бы болѣе дуалистической, т. е. отличной отъ самихъ мозговыхъ процессовъ.

Изъ послѣдователей стараго метафизическаго монизма *Бруно* и *Спинозы* должно вспомнить великаго, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро забытаго, *Карла Фридриха Бурдаха* (*Vom Baue und Leben des Gehirnes*. III T., Leipzig 1826 стр. 141 и т. д.), котораго я цитировалъ въ 1892 году (*Suggestionslehre und Wissenschaft въ Zeitschrift für Hypnotismus*). Покорнѣйше прошу прочесть это мѣсто. Какъ изслѣдователь мозга, *Бурдахъ* доказалъ съ научною и философскою ясностью единство мозга и души. На его идеяхъ покоится ученіе *Мейнерта*. Онъ не имѣлъ только данныхъ современной нормальной и патологической анатоміи и гистологіи мозга, равно какъ новѣйшихъ экспериментовъ на животныхъ, которыя въ общихъ чертахъ вполнѣ подтверждаютъ его идеи.

Подъ монизмомъ мы, въ противоположность дуализму, разумѣемъ такимъ образомъ единство «мозга и души» въ смыслѣ психо-физиологической идентичности. Если-бъ только достоверно можно было доказать, что нѣчто «духовное», т. е. «нематеріальное», существуетъ безъ энергетическаго субстрата, то была-бы доказана наличность дуализма.

Подъ матеріализмомъ мы, наоборотъ, разумѣемъ такое міровоззрѣніе, которое рассматриваетъ матерію, какъ міровую потенцію, такъ сказать, какъ божество, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что матерію мы знаемъ только въ ея проявленіяхъ, а о существѣ ея

намъ ничего не извѣстно, такъ что и она—не болѣе, какъ абстрактное понятіе.

Изъ душъ каждый изъ насъ непосредственно знаетъ только свою. Другія человѣческія, а также животныя души мы изучаемъ—съ вѣроятностью, граничащей съ научной достовѣрностью—посредствомъ аналогій, съ помощью языка, мимики и т. д. Въ виду рѣзкой тенденціи новѣйшаго времени идентифицировать монизмъ и матеріализмъ, что вызываетъ большую смуту въ умахъ, мы должны нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Вопросъ о монизмѣ и дуализмѣ—отнюдь не религіозный и не преюдицируетъ никакой религіозной метафизики. Впрочемъ, смотря по тому, какъ его рѣшаютъ, онъ можетъ послужить базисомъ для таковой. Но самъ по себѣ онъ относится къ другой области.

Религія и метафизика ставятъ вопросъ о первопричинѣ и конечной цѣли міроздавія. Ихъ задача—уяснить себѣ характеръ и цѣли міровой воли, т. е. Бога, далѣе, установить отношеніе этой воли specially къ человѣку. Религія прибѣгаетъ для этой цѣли къ божественному откровенію, даваемому людямъ, метафизика же истощаетъ себя въ тщетныхъ усиліяхъ, съ помощью логическихъ системъ, познать непознаваемое.

Всѣхъ этихъ метафизическихъ, т. е. недоступныхъ познавательной способности человѣка, явленій вопросъ о монизмѣ или дуализмѣ совершенно не касается.

Матеріальная, или т. н. объективная сторона явленій и психическая, или субъективная сторона ихъ, наоборотъ, представляютъ факты, наблюдаемые нами ежедневно и даже ежесекундно.

Дуализмъ говоритъ: имѣются явленія двоякаго рода: 1) тѣлесныя, или матеріальныя, подчиняющіяся естественнымъ законамъ, и 2) психическія, или душевныя, находящіяся, правда, въ извѣстномъ отношеніи къ матеріи, но ведущія все таки самостоятельное, независимое отъ послѣдней существованіе. Исходя изъ такой точки зрѣнія, дуализмъ и говоритъ о вліяніи тѣла на душу и души на тѣло, о нематеріальныхъ душахъ и духахъ и о неодушевленной матеріи.

Монизмъ, наоборотъ, заявляетъ: строго говоря, мы знаемъ только одну душу, нашу собственную. Съ другими мы знакомимся лишь по аналогіи. Душа и тѣло—отнюдь не двѣ различныя вещи. Это—только двѣ стороны, два вида проявленія однихъ и тѣхъ-же познаваемыхъ нами вещей. *Fechner* выразилъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: это—математическій кругъ, снаружы представляющійся выпуклымъ, изнутри—вогнутымъ, и все таки одинъ и тотъ-же кругъ. Монизмъ не можетъ поэтому признавать ни мате-

ріалистической, ни спиритуалистической метафизики,—иначе онъ вступилъ-бы въ противорѣчіе съ самимъ собою. Для него понятія «матерія» и «душа», какъ только ихъ противопоставляютъ другъ другу,—термины, лишенные содержанія, ложно истолковываемые. Это—абстрактныя фикціи, произвольно вырванныя человѣкомъ изъ цѣпи явленій и сами по себѣ лишенныя всякой фактической подкладки. Все равно, «физиологическое» или «психологическое», каждое явленіе имѣетъ для насъ и психологическую и физиологическую сторону. О столѣ, о рефлексѣ, объ отрицательномъ колебаніи тока и т. п. я, вопреки всякой наукѣ, знаю лишь свои субъективныя ощущенія и свое, основанное на сочетаніи ихъ представленіе, приведшее меня къ мысли о существованіи внѣшняго міра. То-же самое должно сказать о моемъ мышленіи, чувствованіи и хотѣніи, о боли, рѣшеніи, «любви» и т. д. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ «психологическая сторона»—непосредственное явленіе, «физиологическая-же», или «объективная» — наоборотъ, цѣпь явленій болѣе отдаленная, контролируемая и раскрываемая лишь съ помощью другихъ чувствъ и заключеній. Однако, послѣ того какъ ближайшее изученіе мозга и психофизиологія доказали намъ, что никакого непосредственнаго явленія сознанія безъ дѣятельности мозга не имѣется, и что мы даже во время акта чувствованія, мышленія и хотѣнія очень хорошо ощущаемъ усилія и дѣятельность мозга, стало очевидно, что всякое чисто внутреннее психологическое явленіе имѣетъ и свою физиологическую сторону, движеніе матеріальнаго субстрата въ мозгу. Словомъ, не существуетъ ничего «психическаго» безъ «физическаго», и еслибъ мы могли освѣтить то, что находится внѣ нашего «я», мы по всей вѣроятности нашли-бы, что не существуетъ и ничего «физическаго» безъ «психическаго». Метафизическій монизмъ идетъ, однако, еще далѣе: какъ не существуетъ матеріи безъ энергіи и энергіи безъ матеріи, такъ въ мірѣ навѣрное не существуетъ ничего «неодушевленнаго»¹⁾.

Явленіе интроспекціи—только внутренній рефлексъ всякаго феномена, внѣшняя сторона котораго представляется намъ въ видѣ движущейся матеріи съ ея энергіями. Отдѣлить эту внутреннюю сторону отъ внѣшней и наоборотъ иначе, какъ пустыми словами.

¹⁾ Какъ только слово „душа“ употребляется по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, тотчасъ-же поднимается буря возраженій: „глупости, бредня о какихъ то міровыхъ душахъ!“ и т. п. Люди, какъ видно, все еще не могутъ высвободиться изъ сѣтей антропоморфизма и усвоить себѣ, что элементъ внутренняго (психическаго) рефлекса, сравнительно съ человѣческой душой, долженъ быть такъ-же примитивенъ, какъ атомъ въ сравненіи съ живымъ человѣческимъ мозгомъ.

верженіямъ, до сихъ поръ не удалось еще никому, да никогда и не удастся, но и созерцать ее, эту внутреннюю сторону, можно единственно только въ себѣ самомъ.

Чисто научный монизмъ (гипотеза идентичности) не допускаетъ, однако, такихъ широкихъ обобщеній. Онъ довольствуется лишь допущеніемъ тождества между всякимъ доступнымъ непосредственному психологическому наблюденію психическимъ явленіемъ и его такъ наз. физиологическимъ коррелятомъ въ мозгу, а гипотезу одушевленнаго міра, какъ она ни близка ему, предоставляетъ метафизической спекуляціи.

Не трудно сообразить, что этотъ спорный вопросъ непосредственно не имѣетъ никакого отношенія къ вышеприведеннымъ вопросамъ *религіозной* метафизики. Первопричина и конечная цѣль, свободная эволюція или фатализмъ, затрогиваются имъ столь-же мало, какъ и вопросъ о существѣ Бога. Личное отношеніе божества какъ къ намъ самимъ, такъ и къ остальному окружающему насъ міру, правда, не особенно легко привести въ связь съ монистическимъ воззрѣніемъ. Но и съ другой точки зрѣнія очеловѣченіе идеи Божества едва-ли можетъ быть согласовано съ представленіемъ о всемогущей волѣ.

Впрочемъ, съ нѣкоторыми религіозными догматами монистическое воззрѣніе вступаетъ въ такую-же коллизію, въ какую нѣкогда вступило съ ними ученіе *Коперника* о солнечной системѣ. Эти догматы завладѣли научными, доступными человѣческому познанію, вопросами и воспользовались ими для своихъ религіозныхъ системъ. А представители послѣднихъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что нынѣ эти вопросы оспариваются у нихъ наукою. Вотъ адѣсь-то и «зарыта собака»!

Къ границамъ-же научнаго знанія вопросъ: «монизмъ» или «дуализмъ» болѣе всего приблизило непосредственное изслѣдованіе центральной нервной системы человѣка и животныхъ, а также ея нормальныхъ и патологическихъ функцій.

Что прежнимъ туманнымъ воззрѣніямъ представлялось въ видѣ нематеріальной души (приблизительно, какъ дикарямъ молнія, въ видѣ *dei ex machina*), нынѣ все съ большей очевидностью оказывается, отъ А до Z, внутренней стороной нашей мозговой дѣятельности. Всѣ попытки — часть души, въ качествѣ ядра ея, изолировать отъ мозговой дѣятельности, сдѣлать независимой отъ живого мозгового вещества, потерпѣли полное фіаско: съ каждымъ двемъ совершенствующіяся и количественно увеличивающіяся наблюденія все очевиднѣе выясняютъ неразрывность всѣхъ нормальныхъ и патологическихъ душевныхъ явленій съ цѣлостію ихъ органа.